

УДК: 283

ФЕНОМЕН ДЕКАНА СВИФТА

В.Ю. Лебедев*, А.М. Прилуцкий**

*ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

**ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. С.-Петербург.

Статья посвящена философско-теологическому анализу влияния религиозных взглядов Джонатана Свифта на его литературное творчество. Авторы считают, что традиционное представление о Свифте как о выразителе гуманистических и антиклерикальных взглядов неверно. Анализ проповедей Свифта показывает, что Свифт был гораздо более традиционным в своих религиозных верованиях, чем это принято считать. Типичные образцы протестантского богословия почти повсеместно представлены в литературных произведениях Свифта. Более того, его сатирический пафос был вызван не антиклерикальным гуманизмом, а антропологическим пессимизмом, характерным для протестантизма.

Ключевые слова: *Свифт, англиканство, протестантизм, Реформация, антропология.*

Феномен Джонатана Свифта до сих пор освещен достаточно неглубоко, хотя общий листаж исследовательских публикаций и учебных текстов, несомненно, огромен. Биография Свифта, в целом не отличающаяся какими-то сверхобычными эпизодами, часто генерирует мифы и труднорешаемые проблемы, например это его безбрачие, выглядящее труднообъяснимым при наличии всем известных двух знакомств с женщинами, отразившихся и в переписке. Если Кьеркегор сознательно создавал ореол неясности вокруг отношений с Региной Ольсен, то относительно Свифта подобные намерения предположить трудно, однако ангажированность биографов здесь ничуть не меньше.

Устойчивый штамп, согласно которому Свифт – типичный представитель «гуманизма – атеизма – просветительской сатиры», стал настолько привычным, что подавляет стремление сменить точку зрения хотя бы ради исследовательского эксперимента. Подобное представление о Свифте и его творчестве не ограничено отечественным дискурсом, унаследовавшим многие штампы: британский исследователь творчества Свифта Маркус Уолш справедливо отмечает, что и в сознании современного английского читателя образ Свифта-писателя совершенно не вяжется со Свифтом-священником, сторонником консервативных и традиционалистских убеждений [13, р. 161]. Именно поэтому на протяжении долгого времени исследователи противопоставляли Путешествия Гулливера и теологические сочинения Свифта, полагая, что они на мировоззренческом уровне являются взаимоисключающими. Сейчас такой подход начинает меняться, и точка зрения, согласно которой Путешествие Гулливера по своей сути является скрытым от легкомысленного читателя выражением идей религиозного фундаментализма (в его изначальном понимании) не кажется одиозной: «Свифт был фундаменталистом в своих религиозных трудах, и это определяет скрытый замысел “Путешествий Гулливера”. Слово

“фундаментализм” связано с основанием здания. В своих сочинениях о церкви Свифт использует термины “фундамент” и “фундаментальный” для обозначения апостольского христианства как того основания, на котором должно строиться современное церковное здание. Он говорит с едкой иронией, что попытаться восстановить “настоящее христианство”, бывшее в “первобытных временах”... означало бы “выкопать фундамент”» [5, р. 21].

В свифтоведении (учебники и подобные тексты, пересказывающие один и тот же набор эпифеноменальных суждений, мы заранее не будем принимать серьезно) можно выделить три основных подхода, конечно, в определенной мере налагающихся друг на друга.

Личностно-биографический подход, в рамках которого можно выделить патографически-психопатологический анализ, ясно заявлен еще Ломброзо [2], хотя ряд суждений, касавшихся душевного нездоровья Свифта, сделан еще его современниками и людьми, жившими до эпохи становления научной психиатрии и патопсихологии. На вопрос о психическом и физическом здоровье Свифта вряд ли можно ответить однозначно. Популярное мнение о сумасшествии Свифта, судя по всему, «восходит к биографиям Свифта, составленным Джонсоном и сэром Уолтером Скоттом... Обе эти биографии утверждают, что Свифт страдал приступами безумия, однако в них отсутствуют реальные доказательства его душевной болезни. Причина этого, скорее всего, в том, что Свифт зачастую приступы головокружения и глухоты именовал припадками», равно бездоказательными представляются предположения о том, что Свифт страдал эпилепсией» [14, р. 177]. Слово «припадки» не только может обозначать самые различные пароксизмальные состояния, но и выступать как синоним обострения (приступа, «приближения» болезни) чего угодно («припадок болезни»), в каком значении использовалось повсеместно еще в XIX в.

По одной из версий смерть Свифта в 1745 г. наступила после судорог, которые продолжались 36 часов. Согласно другому описанию, ничего подобного не было и Свифт «умер мирно». Впрочем, сам факт судорог может указывать на огромное количество болезненных состояний, а потому малоспецифичен. Вскрытие было выполнено г-ном Вайтвеем (Whiteway), хирургом в клинике доктора Стивена, который отметил значительное количество воды в мозге. Джонатан Свифт прожил 78 лет и значительную часть своей жизни он был физически и психически здоровым человеком, хотя и страдал от болезни Меньера (или меньеризма как синдрома на фоне другой болезни, например, банальной дисциркуляторной энцефалопатии). В старости он часто пребывал в подавленном психическом состоянии, появились признаки афазии и терминального слабоумия [7, р. 605]. Имеют некоторые основания попытки ряда авторов [2; 1, с. 134–144] реконструировать душевный облик Свифта исходя из концепции искажения личности, личностного расстройства. В этом случае ведущую роль играют разного рода странности, экстравагантные шутки и т.п., например, эпизод с появлением в учебном заведении с конем, остроумная мистификация, связанная с астрологом Пэртриджем. Однако такие реконструкции опять же опираются на мемуарный материал, а значит, зависят от его точности и степени непредвзятости. Кроме того, они часто не учитывают аберрацию дальности, перенося на иные эпохи стандарты поведения типичного интеллигента XX в., в то время как эпоха Свифта была гораздо более грубой, там были допустимы высказывания и поступки, подчас шокирующие наших со-

временников. Высмеивание же Пэртриджа может быть объяснено естественным для священнослужителя недовольством астрологами (а форму астрологических псевдопрогнозов, сочиненных Свифтом, нельзя не признать хотя бы отчасти талантливой и остроумной). Появление многочисленных патографических исследований, как и переиздание старых, можно только приветствовать (в том числе и как необходимый корректив посткантонианских представлений о человеке без тела, человеке вне биологии), но их уязвимость также приходится отметить: в свете болезни объясняются особенности творчества, факты творческой деятельности служат обоснованием констатации болезни. Поэтому патопсихология не может и не должна быть исключена из свифтоведения, но и слабые места соответствующего подхода все же надо учитывать.

Правомочен и культурологический подход, объясняющий феномен Свифта с помощью его рассмотрения в культурном контексте с определением некоторого набора соответствий и несоответствий культурному контексту. Существенным недостатком является неубедительность ряда культурных реконструкций, когда уже упомянутая аберрация дальности порождает искажения и исследовательский произвол. Несомненно, что Свифт выпадает из просветительского мейнстрима, его мизантропия имеет не просто эмоциональный характер поведения человека с рядом ярких личностных особенностей, она имеет вполне ясно декларированные мировоззренческие истоки. Свифту в целом чужды просветительские гуманистические мифы.

Третий подход – текстологический, сконцентрированный на анализе текстов, в том числе с привлечением структурных методов. Именно внимательное изучение текстов позволяет создать нетипичный портрет Свифта, который, возможно, как раз ближе к характеристикам реальной личности. Традиционное литературоведение не так уж часто обращалось к последовательному и глубокому анализу текстов Свифта, в результате чего текстуальный анализ заменялся общеисторическими и общекультурологическими экскурсами, которые наивная аудитория усваивала, умножая дилетантизм и углубляя ситуацию непонимания, когнитивного и герменевтического тупика. Свифт, так сказать, вполне расплатился за гуманистические мифы, как порожденные его эпохой, так и возникшие после.

Мы не отвергаем ни один из этих подходов, хотя предпочтительными нам кажутся первый и третий, так как они менее скомпрометированы большим количеством «культурологических» реконструкций, демонстрирующих подчас явный произвол, фрагментарность и итоговую неубедительность.

Одним из наиболее неясных моментов является конфессиональная принадлежность Свифта и его церковная карьера. Чаще всего она просто игнорируется, все дело ограничивается штампованными указаниями на то, что карьера священника была вынужденной. Действительно, церковные должности в государственной церкви Англии занимались примерно так, как и обычные чиновнические, однако это еще не свидетельствует автоматически в пользу абсолютно светской личностной ориентации Свифта, а тем более его атеизма. Наконец, даже при допущении того, что Свифт в мировоззренческом плане был «аналогом Жана Мелье», не устраняются как минимум два фактора: во-первых, необходимость все же действовать в рамках социального поведенческого сценария, предписанного духовному лицу, обязанному, как минимум, совершать богослужения; во-вторых, сознание, сформированное определенной религиозно-

конфессиональной средой, социальными событиями, практически всегда имевшими религиозную окраску, когда мышление, поведение, дискурс обретают религиозные оттенки независимо от официальной или реальной самоидентификации человека. Общественные реалии окрашивают сознание человека, не спрашивая предварительно его согласия, а порой и незаметно для него самого. Атеист или безрелигиозный философ, сформированный протестантской Англией, где реформация имела преимущественно политический, а не теологический характер (что отличает ее от лютеранства), по стилю мышления, по постановке основных вопросов будет отличаться от аналогичного субъекта, сформированного, например, в католической Франции. Поэтому выявление конфессионального компонента в «дискурсе Свифта» мы полагаем одной из задач нашего исследования. Равным образом мы попытаемся ответить на вопрос, насколько Свифт был типичной фигурой для англиканства своего времени и англиканства вообще, а также и для всей культуры, сформировавшейся под его влиянием. Духовные лица редко полностью выпадают из конфессионального контекста, причем даже тогда, когда стремятся это сделать.

Безусловно, феномен Свифта невозможно понять вне религиозно-политического контекста, сформированного прежде всего участием государственной церкви в политической жизни королевства. Согласно данным, приводимым в современных биографических исследованиях, посвященных Свифту, последний рассматривается как сторонник Высокой Церкви, с пренебрежением относящийся к проявлениям радикально-протестантских тенденций в церковной жизни: «Свифт утверждал, что между англиканством и движением протестантского диссидентства существует непреодолимая пропасть» [6, р. 56]. В традициях Высокой Церкви он отстаивает право официальной Англиканской Церкви на политическую власть в рамках сложившейся правовой модели, последовательно защищая привилегии духовного сословия. Связь между религией, институционализированной церковью и политикой для него бесспорна, однако отношение к этому факту не лишено противоречий: с одной стороны, Свифт защищает существующий порядок, а с другой – подвергает его сатирической критике [8, р. 131].

Особая перформативность сатирических текстов делает их трудными для интерпретации, применительно к текстам Свифта эта проблема полностью сохраняет свою актуальность. Как отмечает американский исследователь Джеффри Гелбрейт, сложность сатиры Свифта затрудняет рассмотрение вопроса о том идеале религии, которого он придерживался: сатирическую интенцию не всегда возможно отделить от интенции теологической, а Свифт-сатирик все-таки не тождествен Свифту как он есть. Все это порождает семиотические и интерпретационные сложности. В связи с этим ряд исследователей полагают, что вера Свифта была далека от того содержания, которое в понятие «вера» вкладывали английские пиеисты. Скорее всего, Свифт «верил в церковь как политический институт, который должен быть сохранен», он ценил христианство как некий свод правил независимо от веры, и, вероятно, не предполагая обязательной связи с ней. В этом отношении сатира Свифта может рассматриваться как антисовременная форма современности [4, р. 145]. Так, в проповеди «О Троице», датированной 1744 г., Свифт, обращаясь к прихожанам, высказывает надежду, что в результате слушания его проповеди даже «самые невежественные прихожане смогут вернуться домой лучше осведомленными о своих обязанностях относительно этого великого вопроса (better informed of

your duty in this great point) , нежели в настоящее время» (Sermon on the Trinity, 1744) [10].

Отвергая гносеофобию религиозных диссидентов, Свифт доказывает, что «голос совести» только тогда может иметь значение при решении религиозных вопросов, когда предварительно были основательно изучены постулаты теологии: «...спросите любого из тех, кто отвергает установленные формы богослужения, почему они не приходят в церковь: они скажут, что им не нравятся обряды, молитвы, традиции и тому подобное; и поэтому это идет против их совести: но они ошибаются... совесть человека не может быть выше его познания; и поэтому до тех пор, пока он тщательно не изучит Писание и обычаи древней церкви, независимо от того, хороши они или нет, его совесть не может быть основанием для суда над ними» (Sermon on the Testimony of Conscience, 1744) [9].

Однако еще более жесткой критике Свифт подвергает пуритан, обвиняя их не только во вредном влиянии на ход политических процессов в стране, но и в религиозном лицемерии, которое вместе с жестокостью способствовало в обществе росту антирелигиозных настроений: «Пуританский убийственный парламент, когда он обладал властью, не смог договориться о каком-либо единообразии ни в религии, ни гражданском управлении; но каждый день склонялся от одного раскола к другому, от одной ереси к другой, от одного сектантства к другому, из-за этого возникла чудовищная путаница, породившая современные богослужебные разногласия. <...> Восстания и смуты способствовали росту атеизма. Для людей, видевших, какие бесчисленные и невыносимые злодеяния были совершены в течение двадцати лет под предлогом рвения и реформации Божьей церкви, возникло искушение думать, что всякая религия – просто обман, и тот же дух неверности, распространяющийся среди нас до сего времени, вырос из семян, посеянных этими мятежными лицемерными святыми» (Sermon Upon The Martyrdom Of King Charles I. Preached At St. Patrick's, Dublin, Jan. 30, 1725-6, Being Sunday) [11]. Ирония Свифта вообще дает поводы для совершенно разных интерпретаций. Так приводимый ниже пример может пониматься и как характеристика реального положения дел, и как и саркастичный пассаж: «Я никогда не видел, не слышал и не читал, что бы духовенство любили в какой-либо христианской стране. Ничто не может сделать священников популярными, за исключением гонений» [12]. Свифтовский дискурс сопротивляется однозначной деконструкции.

Художественные тексты Свифта не раз становились объектом анализа на предмет реконструкции авторского мировоззрения, однако добросовестная беспристрастность встречалась при этом не так уж часто. Из Свифта старательно пытались сделать гуманиста и антиклерикала. Крайняя мрачность, плохо вяжущаяся с гуманизмом, мало кого всерьез смущала. «Сказка бочки» – текст в этом отношении наиболее показательный и самый «неполиткорректный». Наибольшее раздражение Свифта вызывают радикальные протестанты, в основном кальвинисты и разного рода харизматики того времени. Мрачные пассажи Свифта, осмеивающего брата Джека и эолистов, памятливы всем, взявшим на себя труд прочесть данное произведение. Антикатолические, антиримские мотивы (брат Петр) выражены намного слабее, возможно потому, что на фоне уже привычной антиримской сатиры, расцветшей по меньшей мере во времена Реформации, они не выглядели оригинальными. Однако очевидный факт, что брат

Мартин, персонификация умеренного протестантизма лютерано-англиканского типа, сокрушительной критике не подвергается, но и не выведен в качестве яркого персонажа (автор почти не уделяет ему внимания, он нужен только для довершения тернарной оппозиции и соответствующей ей персонажной структуры), часто интерпретировался как следствие того, что в условиях преобладания официальной конфессии критиковать ее было невозможно. Надо заметить, что сам факт ведения богословской по сути полемики средствами мрачной сатиры вряд ли был бы поддержан и самой Церковью Англии. В самом деле реакция на свифтовский памфлет была негативной, апологетика не должна была доходить «до такого». Церковную карьеру Свифта это также могло только осложнить (это соображение дает повод ряду авторов говорить о все более усугубляющемся душевном недуге Свифта, когда мрачное озлобление тормозило обычные рефлексии социального самосохранения). Остается пойти иным путем: выявить типичные паттерны протестантского мировосприятия, обнаруженные даже там, где о религиозной проблематике речи как будто и не идет. Естественно, что социальные и антропологические взгляды Свифта вполне выразились в тетралогии о Гулливере. Попробуем определить, к какой антропологической парадигме тяготеет автор. Таковых парадигм не менее трех: антропологический оптимизм католического типа, антропологический пессимизм, напоминающий идеи ранней Реформации, наконец, кальвинизм, успевший к тому времени выработать знаменитую бюргерскую трудовую этику и смягчивший мрачные идеи абсолютного предопределения идеалом благополучной буржуазной повседневности («гарантированных райских одежд», выражаясь словами Саши Черного). Очевидно, что Свифт далек как от первого, так и от последнего. За антропологическим отвращением Свифта проглядывают идеи полной греховности, порочности человека, в принципе неспособного сделать что-либо доброе и достойное осуждения, аннулировать которое может лишь Сам Бог по присущей Ему сверхприродной милости. В пределах земного бытия человека хвалить не за что, так что Свифт как бы выносит человеку приговор со всей строгостью, которая возможна в условиях земной жизни, оставляя последний суд за Творцом. Разумные лошади выглядят на фоне человека более привлекательными, более того, страна разумных лошадей напоминает аллегорию изначального, безгрешного состояния. Пожалуй, только существование йеху в этом случае необъяснимо, если только не допустить того, что аллегория включает намек на какие-то дополнительные акты творения, когда получившееся в результате выполняет служебные функции. Впрочем, формат аллегории не предполагает обязательного буквального совпадения, посему совмещение «плана земного» и «плана райского» в пределах одного пространства вполне допустимо. Не исключено, что на Свифта повлияла сложная текстуальная композиция Апокалипсиса Иоанна. В финале Гулливеру наглядно демонстрируется его родство с йеху, которых он первоначально презирает, как и тех, у кого в гостях он оказывается. Изгнание Гулливера напоминает изгнание из рая. Однако перед нами не английский вариант Вольтера, бывшего практически безрелигиозным, а носитель глубокого протестантского пессимизма, очень напоминающий в этом плане Кьеркегора с его пафосом ревитализации духа ранней Реформации, хотя Кьеркегор подлежит осмыслению прежде всего именно в контексте лютеранской теологии и лютеранской культуры, хоть его последующая роль и стала интерконфессиональной.

Конечно, нельзя игнорировать тот факт, что пафос лютеровской реформы не может просто проецироваться на ситуацию бытия Англиканской церкви, для которой, по мнению ряда авторов, не характерны яркие богословские новации [3], в том числе и повлиявшие на лютеровский антропологический пессимизм, но, с другой стороны, в процессе достаточно долгого становления англиканство успело вобрать в себя и определенную часть воззрений более радикальной в религиозном отношении публики (что и стало концентрироваться в кругах приверженцев Низкой церкви), так что наличие в пределах англиканства достаточно большого диапазона взглядов, включая и антропологический пессимизм, следует считать несомненным, а значит, воздействие этих настроений на Свифта вполне возможно.

В целом необходимо констатировать, что интерпретация феномена Свифта подразумевает согласование разных подходов и учет разных реалий, способных повлиять на идиодискурс, в частности сочетание экклезиально-теологического фактора и фактора сугубо личностного, включая и особенности психологического склада личности. Избежать определенного наложения категорий исследовательского анализа, очевидно, невозможно принципиально.

Список литературы

1. Ерышев О.Ф., Спринц А.М. Личность и болезнь в творчестве гениев. СПб.: СпецЛит, 2015. 255 с.
2. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство // Ломброзо Ч. Преступный человек. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. С 647–857.
3. Подмор К. Повесть о двух церквях: сопоставительный анализ экклезиологии епископальной церкви и Церкви Англии // *Magnum ignotum*. Т.6: Англиканство. М.: Филинь, 2018. С.104–164.
4. Galbraith J. Satire Sincerity, and Swift's «Exploded» Gospel // *Christianity & Literature* 2017. V. 67(1). P. 139–162.
5. Gardiner Anne Barbeau Jonathan Swift and the Idea of the Fundamental Church // *Fundamentalism and Literature*. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 21–41.
6. Oakleaf D. A Political Biography Of Jonathan Swift. London: Pickering & Chatto, 2008. 266 p.
7. Thomas H Bewley. The Health of Jonathan Swift // *Journal of the Royal Society of Medicine*. 1998. V. 91. P. 602–605.
8. Tamura E.T. Jonathan Swift's Satire and Irony. // *The Economic Journal of Takasaki City University of Economics*. 2003. V. 46, № 3. P. 129–135.
9. Swift J. Sermon on the Testimony of Conscience, 1744 // *The Works Of The Rev. Jonathan Swift, D.D., Dean Of St. Patrick's, Dublin*. London, 1801. V. 10. P. 43–55.
10. Swift J. Sermon on the Trinity, 1744 // *The Works Of The Rev. Jonathan Swift, D.D., Dean Of St. Patrick's, Dublin*. London, 1801. V. 10. P. 19–32.
11. Swift J. Sermon Upon The Martyrdom Of King Charles I. Preached At St. Patrick's, Dublin, Jan. 30, 1725-6, Being Sunday // *The Works Of*

- The Rev. Jonathan Swift, D.D., Dean Of St. Patrick's, Dublin. London, 1801. V. 10. P. 67–84.
12. Swift J. Thoughts On Religion // The Works Of The Rev. Jonathan Swift, D.D., Dean Of St. Patrick's, Dublin. London, 1801. V. 10. P. 166–171.
 13. Walsh M. Swift and religion // The Cambridge Companion to Jonathan Swift. Ch. Fox, ed. Cambridge University Press, 2003. P1 61–177.
 14. Wilson T.G. The Mental And Physical Health o Dean Swift // Medical History. 1958. V. 2 (1). P. 175–190.

THE PHENOMENON OF REV. DEAN SWIFT

V.Y. Lebedev*, A. M. Prilutskij**

*Tver State Univerity, Tver

**Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

The article is dedicated to the philosophical and theological analysis of the correlation of the religious views of Dean Swift and his literary work. The authors believe that the traditional view of Swift as a representative of humanistic and anticlerical views is incorrect. An analysis of Swift's sermons shows that Swift was much more traditional in his religious beliefs than is commonly believed. Typical patterns of Protestant theology are almost universally represented in Swift's literary works; moreover, his satirist pathos was not fueled by anti-clerical humanism, but anthropological pessimism characteristic of Protestantism.

Keywords: *Swift, Anglicanism, Protestantism, Reformation, Anthropology.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Института педагогического образования ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru.

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и религиоведения, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», С.-Петербург. E-mail: 6. Alpril@mail.ru

Authors information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – PhD, Professor Department of theology, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver State University, Tver. E-mail: semion.religare@yandex.ru.

PRILUTSKII Alexander Mikhailovich – PhD, Professor Department of sociology and religious studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St-Petersburg. E-mail: alpril@mail.ru